

Россия: прорыв в новую эпоху

Александр Ермоленко

Александр Ермоленко

Россия: прорыв в новую эпоху

«Автор»

2024

Ермоленко А.

Россия: прорыв в новую эпоху / А. Ермоленко — «Автор», 2024

История движется от эпохи к эпохе, и каждая из них готовит себе смену. Развитие нынешней эпохи вещной зависимости приближает к нам эпоху союза свободных людей. Свободных от наживы, насилия, хищнического отношения к Земле. Сто лет назад Россия совершила дерзкий прорыв в эту новую эпоху, но его результаты не удалось закрепить. С тех пор страна ищет свой путь развития. Новая реальность мира ускоряет подготовку новой эпохи и позволяет по достоинству оценить российский прорыв в нее. Книга адресована тем, кто стремится осмыслить прошлое России, понять ее настоящее и представить ее будущее, кто видит себя заинтересованным участником ее развития и осознанно продвигается в нарастающем потоке перемен.

© Ермоленко А., 2024

© Автор, 2024

Александр Ермоленко

Россия: прорыв в новую эпоху

Предисловие от автора

За последние сто лет своей истории Россия пережила несколько революций, гражданскую войну, участвовала в двух мировых войнах и долго противостояла миру, в котором господствовал капитал. В центре этого периода находился и определял его содержание прорыв в новую эпоху – смелый шаг одной-единственной страны в будущее, манивший свободой от наживы, насилия и хищничества. Человечество было потрясено как невиданными результатами, так и непомерными издержками этого прорыва. Но сил для него у России хватило только на несколько десятилетий. Исчерпав их, она остановилась, а потом резко развернулась в своем движении.

Парадоксально уже то, что первой в мире попыталась шагнуть в будущее страна, обладавшая огромной инерцией и отнюдь не относившаяся к мировым лидерам. Ее история богата опытом сдерживания назревших изменений. Если они и начинались, то затем, как правило, тормозились или полностью сворачивались. Да и в наше время Россия настороженно относится ко многим изменениям в мире и больше обращена к прошлому, чем к будущему. Тем важнее ответить на вопросы об ее прорыве в новую эпоху – что это было и для чего это было? Кое-кто до сих пор пытается объяснять долгие и глубокие преобразования в крупнейшей стране мира происками авантюристов, случайно прорвавшихся к власти.

Чем значительнее вопросы, тем больше дистанция от них, которая позволит приблизиться к истине в поисках ответов. Понимание истинного смысла и общечеловеческой ценности результатов российского прорыва приходит вместе с новой реальностью, утверждающейся в современном мире. Огонь ее, выжигающий все, что мешает миру двигаться дальше, заодно высвечивает содержание многих процессов, приведших к ней. Попытки жить, как прежде, игнорируя острые проблемы и крутые вызовы новой реальности, приводят к краху отдельных людей, организации и целые страны. Но тем, кто ее принимает, она дарит шанс ускориться в своем движении и шагнуть из настоящего в будущее, продолжая в изменившихся условиях историю, которая началась в России столетие тому назад.

Я работал над этой книгой много лет, с трудом постигая смысл событий, потрясших мир в прошлом или изменяющих его сейчас. Хотелось просто и ясно поведать о том, что реально сложно и запутано. Как это получилось, судить читателям. Многое из того, что есть в моей книге, покажется им спорным. Это неизбежно, когда пишешь о том, что не только противоречиво, но и покрыто толстым слоем лжи и добросовестных заблуждений. Заново осмысливая «дела давно минувших дней» в свете глубоких и резких изменений в настоящем, мы преодолеваем прежние представления о прошлом и пытаемся прогнозировать будущее или интуитивно проникать в него.

Глава 1. Прорыв: куда, кого и почему

Новая эпоха истории

Вся наша история – это смена нескольких эпох, длительных и относительно однородных периодов времени, в центре которых стоят события, определяющие их содержание. Как разграничиваются эпохи истории, почему происходит их смена? Разбираясь в своей истории, мы исходим из того, что она происходит на Земле и тесно связана с происходящими здесь естественными процессами. Она включена и в космические процессы, но человечество только начинает сознавать разнообразие потока энергий, воздействующих на него из космоса и пока что плохо вписывающихся в картину мира.

Давным-давно высказано предположение о том, что потоки космических энергий направляют ход земных процессов. Астрологи древности выразили это лаконично и красиво: все,

что внизу, подобно тому, что наверху. Но проверка такого предположения – дело будущего. В настоящем же мы исходим из того, что прочно установлено. Ключ к пониманию нашей истории прост: производство материальной жизни людей есть основа всей их деятельности. Прежде чем заниматься искусством, наукой, политикой или просто развлекаться, необходимо произвести продовольствие, одежду, обувь, обеспечить здоровье, построить жилища и создать иные блага, обеспечивающие материальную жизнь.

Поэтому стержень истории человечества – это сменяющие друг друга несколько способов производства материальной жизни людей. Каждый из них – живой, развивающийся хозяйственный организм, особая ступень освоения людьми природы и совершенствования их самих. Одна сторона такого организма – силы, применяемые в производстве материальной жизни, другая сторона его – отношения между людьми, естественно складывающиеся в этом процессе.

Силы, применяемые в производстве материальной жизни – это, в первую очередь, способности людей создавать жизненные блага, то есть, их силы труда. Но к ним люди последовательно прибавляли и продолжают прибавлять те силы природы, которые им удалось освоить и овеществить в средствах производства своей материальной жизни, начиная с камней, палок и веществ, добытых охотой и собирательством, и завершая сложнейшими комплексами с искусственным интеллектом и композитными веществами, созданными гением людей. Развитие сил производства материальной жизни не останавливается. Это значит, что способности людей создавать жизненные блага возвышаются, а перечень овеществленных средств производства материальной жизни постоянно пополняется за счет освоения сил природы.

В свою очередь, развитие сил производства материальной жизни вызывает к жизни новые формы отношений, которые складываются между людьми во всех фазах такого производства: создании материальных благ, их распределении, обмене и потреблении. Чем выше уровень развития сил производства материальной жизни, тем сложнее устроены формы отношений, которые ему соответствуют. Они упорядочены и образуют систему отношений, которая совершенствуется в границах существующего способа производства материальной жизни. Выход за эти границы означает хозяйственный переворот, качественный скачок в производстве материальной жизни, смену одного способа ее производства другим способом.

Для того, чтобы такой скачок произошел и существующий способ производства сошел с дороги истории, необходимо, чтобы он исчерпал все свои возможности развития сил производства материальной жизни, раскрыл себя до конца. Когда система отношений становится препятствием на пути дальнейшего развития сил труда и освоенных людьми сил природы, происходит смена одного способа производства другим. Речь идет о процессе обновления материальной жизни, подготовленном продолжительным трудом общества. Воля отдельных людей здесь ничего не может изменить. Поэтому потерпели провал все неподготовленные попытки изменить материальную жизнь, с каким желанием их бы не предпринимали.

Выделим три способа производства материальной жизни людей и, соответственно, три основные эпохи человеческой истории. В первом случае речь идет о прошлом, во втором – о настоящем, в третьем – о будущем.

Начнем с прошлого. В основе первого способа, или первой ступени развития производства материальной жизни, лежит личная зависимость людей. Это их зависимость от племени, рода, общины, семьи или отдельного человека, которому удалось подчинить себе кого-то. Историческое время эпохи личной зависимости – самое протяженное на Земле. Ее начало уходит в глубину веков на тысячелетия, а завершилась она примерно на рубеже XVI – XVII веков. Обобщающее выражение, резюме системы отношений этой ступени и ее эпохи – исходная, примитивная собственность естественно сложившейся общности людей, продиктованная им природой, от которой они еще толком не обособились.

В основе второго способа, или второй ступени развития производства материальной жизни, лежит вещная зависимость частных лиц, то есть, связь людей через посредство вещей.

Здесь люди свободны друг от друга, но зато полностью зависимы от вещей, которые они создают, обменивают, распределяют и потребляют. Они вступают между собой в отношения, обменивая вещи как товары, а их судьбы определяются результатами такого обмена. Историческое время эпохи вещной зависимости составляет уже несколько столетий. Она сменила эпоху личной зависимости и продолжается вплоть до наших дней. Это наше настоящее. Обобщающее выражение системы отношений этой ступени и ее эпохи – частная собственность.

В основе третьего способа, или третьей ступени развития производства материальной жизни, лежит союз свободных людей, их ассоциация. Участники такого союза применяют общие средства производства и планомерно расходуют свои индивидуальные силы труда как одну общественную силу труда, создавая при этом общественный продукт. Обобщающим выражением системы отношений такой ступени и ее эпохи призвана стать зрелая общественная, ассоциированная собственность. Это перспективная ступень существования человечества, дело будущего. Однако дорога к ней начала прокладываться в настоящем, еще до завершения эпохи вещной зависимости. О попытке России первой в мире шагнуть в эпоху союза свободных людей и пойдет речь в этой книге.

Почему вообще стал возможен такой шаг? Между смежными эпохами нет резких границ, зато есть продолжительные переходные периоды от одной эпохи к другой. Дело в том, что каждая последующая эпоха готовится так, что ее материальные и духовные предпосылки созревают и накапливаются в недрах ее предшественницы. Когда накоплена достаточная масса таких предпосылок, начинается переходный период, в котором представлены черты обеих эпох. Благодаря этому, границы между смежными эпохами смазаны. Некоторые события, по своему духу соответствующие новой эпохе, происходят в завершающий период старой эпохи. В свою очередь, влияние уходящей эпохи еще долго сказывается на событиях начавшейся новой эпохи. Переходный период создает абстрактную возможность ускоренного перехода к новой эпохе. Но для того, чтобы она стала конкретным прорывом в будущее, необходимы соответствующие условия. Эти условия исторически сложились в России в свое время. Но об этом – далее.

Подготовка каждой последующей эпохи в недрах своей предшественницы приводит к тому, что отдельные люди, наделенные огромной интуицией, предвидят некоторые черты и события новой эпохи задолго до ее наступления. Своеобразные художественные и философские предвосхищения грядущей эпохи союза свободных людей можно найти на картинах Иеронима Босха и Сандро Боттичелли, в музыке Иоганна Себастьяна Баха и Вольфганга Амадея Моцарта, а также в книгах Томмазо Кампанеллы и Томаса Мора, творивших за столетия до нее.

Вернемся в прошлое. Эпоха личной зависимости включала в себя три фазы, существенно отличавшиеся по своим характеристикам. Для ее первой фазы было характерно поклонение людей силам природы, обожествление стихий, с которыми человек сталкивался в своей жизни, порой погибая в таком столкновении. Люди, жившие в это время, были сосредоточены на совместной работе по добыче и выращиванию плодов земли, необходимых для поддержания их материальной жизни. Их работа показалась бы нам неспешной и упорной. Земля была их основной кормилицей. Типичным образом человека этой фазы стал образ крестьянина, действовавшего в рамках общинной, родовой, семейной связи или превращенного кем-то в раба.

В первой фазе эпохи личной зависимости возникли древнейшие цивилизации Африки и Азии – Египет времени Древнего Царства, Шумерское государство в Междуречье и другие. Памятники культуры той поры воспевают созидательный труд на земле. Наука, еще только зарождавшаяся, была ориентирована на решение простых практических задач жизни земледельцев. Необходимость прогнозировать разливы рек и регулировать аграрные работы обусловила постоянное наблюдение жрецов за разливами рек и движениями небесных светил. В дальнейшем это привело к появлению астрономии, основ математики, а также к созданию календаря. Не стоит пренебрежительно относиться к знаниям людей той поры – они позволили возвести египетские пирамиды и зиккураты Междуречья, определить циклы многих небесных

и земных процессов. Лишь в конце этой фазы каменные орудия начали уступать место орудиям из меди и бронзы, а в примитивной общности людей проявились устойчивые различия в положении и доступе к жизненным благам. Эти перемены обозначили переход к следующей фазе эпохи.

Типичным человеческим образом второй фазы эпохи личной зависимости стал образ воина. В религиозном сознании людей этой фазы возникли представления о наличии множества богов, конфликты между которыми, как и конфликты между людьми, разрешались силой. Между ее формами организации человеческого общества, которые лишь отдаленно напоминали знакомые нам социальные системы и государства, развернулись длительные и кровавые войны за контроль над территориями и их ресурсами. В первую очередь, за контроль над человеческими ресурсами, поскольку их умножение позволяло увеличить производство материальной жизни. Примерно за две тысячи лет до нашей эры был открыт метод изготовления железа из руды. Это обеспечило важнейший для производства материальной жизни переход от бронзовых инструментов и оружия к их железным аналогам.

Резко возросла мощь армий, использовавших оружие из железа, что привело к изменению характера ранних государств. Это хорошо прослеживается в истории Египта. В первой фазе эпохи личной зависимости, под властью династий Древнего царства Египет был типичной земледельческой страной. Он включал в себя множество сельских общин, которые обеспечивали свою материальную жизнь и потребности относительно небольшого аппарата царской власти. Под властью династий Нового царства, во второй фазе эпохи, Египет стал агрессивной страной, которая стремилась к захватам земель, рабов и ресурсов, нуждалась в постоянной армии и разветвленном аппарате власти. Именно во второй фазе эпохи личной зависимости возникли первые империи, созданные «железом и кровью»: Ассирия, Персия и др. В этой же фазе в противостоянии племенных групп происходила кристаллизация родовой формы общности. Она обеспечивала возможности концентрации богатства у представителей сильных родов. Растущая сила власти притягивала собственность и ставила ее под свой контроль.

У каждого исторического периода – свои символы, выражающие его коллизии. Одним символом второй фазы эпохи личной зависимости стала легендарная жертва Авраама – знак необходимости пролития крови ради обретения покровительства высших сил. Другим ее символом стало легендарное Золотое руно – знак богатства, ради которого надо было открывать новые земли, проявлять безжалостность к врагам, применять силу и хитрость.

В этой фазе Европа превращается из дальней периферии мира в новый центр его развития. Расцвет фазы относится ко времени, когда в Греции состязались между собой полисы-государства, в Италии набирал силу Рим, разворачивалось противоборство между ним и Карфагеном. В дальнейшем усиление Рима и превращение его в империю ознаменовали переход к третьей, завершающей фазе эпохи личной зависимости.

Эта фаза достаточно близка к нашему времени, она завершилась в конце XVI – начале XVII веков. Поэтому мы и знаем о ней намного больше, чем о первых двух фазах. Первое, что понимаешь, когда знакомишься с материалами о ней – она гораздо сложнее и противоречивее своих предшественниц. Недаром в ее рамках развились философия и частные науки, возникли основные мировые религии. Вместе с тем, многие из своих процессов она надежно укутала покровом мистицизма, как бы пряча их содержание. А там, где много мистики, востребованы возможности интуиции, и они получили развитие в завершающей фазе эпохи личной зависимости.

В ранний период этой фазы (примерно со II века до нашей эры и до конца XIV века нашей эры) в человеческом сообществе утвердилось религиозное представление о едином божественном начале, что привело к созданию и распространению нескольких мировых религий, в том числе, христианства и ислама. Так началось создание духовной линии всеобщей связи людей.

В поздний период завершающей фазы эпохи личной зависимости (XV – XVI века) глубоко преобразилась материальная жизнь людей. Мистицизм и религиозная духовность испытывали на себе сильное воздействие приземленности и прагматизма, предприимчивости и деловитости, выросших благодаря ранее возникшей духовной линии всеобщей связи. В итоге начала создаваться альтернативная – материальная линия всеобщей связи людей. Практически это выразилось в свершении великих географических открытий, освоении новых земель, становлении товарного хозяйства, развитии мировой торговли. В этот период на востоке Европы возникло Российское государство, в истории которого личная зависимость сыграла определяющую роль и просуществовала намного дольше, чем в странах Западной Европы. Историческое движение этой непредсказуемой страны с первых шагов удивляло внешних наблюдателей, явно вырываясь из общей «связи времен»...

Прошлое притягивает нас, но наши интересы сосредоточены в настоящем. Мы живем по законам эпохи вещной зависимости, и они, на первый взгляд, очень просты. Если с людей сняты все путы личной зависимости, то они в жизни противостоят друг другу, как свободные частные лица. Единственно возможным способом связи между ними становится рыночный обмен продуктами. Их труд овеществляется в создаваемых ими товарах, становится стоимостью и только таким способом получает свою общественную оценку.

В обстоятельствах вещной зависимости человек значим лишь постольку, поскольку он обладает товарами. Люди здесь полностью зависят от товаров, поклоняются им. Возникает ощущение, что история людей – это история вещей, важнейшим событием которой стало появление денег. Из множества обращающихся товаров выделился особый товар, который с молчаливого согласия участников рынка стал всеобщим мерилom стоимости, деньгами. Их стали использовать для оценки стоимости товаров, сделок с товарами, накопления стоимостного богатства и других дел эпохи вещной зависимости. Владея деньгами, человек свободно входил в товарный мир и благоденствовал в нем. Без них он был никем, с ними – всем, кем позволяло стать их количество. Поклонение товарам развилось в поклонение деньгам.

Но это еще цветочки эпохи вещной зависимости. Ягодки появились вместе с превращением денег в капитал. Стоимость в форме денег сначала просто накапливалась в виде богатства, а затем перешла к самовозрастанию. Деньги стали делать деньги. Это чудесное превращение стало возможно благодаря наличию на рынке уникального товара – рабочей силы. На самом деле никакого чуда нет, и ларчик самовозрастающей стоимости открывается с помощью очень простого ключика.

Представим, что человек свободен не только от пут личной зависимости, но и средств обеспечения своей материальной жизни. Единственное, что у него есть, это способность к труду, его рабочая сила. Тогда, чтобы хоть как-то обеспечить свою материальную жизнь, ему остается предложить на рынке свою способность к труду в качестве товара. Это предложение может вызвать интерес у обладателя денег, желающего авансировать их и организовать свое производство ради возрастания стоимости. И если он рискнет приобрести рабочую силу, оборудование, материалы и начнет производить нужные рынку товары, то его деньги начнут работать как капитал. Это означает, что, благодаря использованию наемного труда, они будут создавать стоимость сверх той стоимости, которую их обладатель авансировал на организацию производства. Так деньги становятся капиталом.

Секрет этого превращения был известен давным-давно. Но потребовалось освободить общество от пут личной зависимости, чтобы он стал практически доступен многим. Только после этого появились условия для самовозрастания стоимости капитала на основе эксплуатации наемного труда в широких, общественных масштабах. Дух эпохи вещной зависимости нашел в этом процессе свое адекватное материальное воплощение. Понятие эксплуатации за последние годы было размыто, поэтому стоит напомнить его подлинный смысл – сведение человека к живому средству производства, применяемому в чуждых интересах. В данном слу-

чае – сведение его к живому средству производства капитала, принадлежащего кому-то другому.

Эпоха вещной зависимости шаг за шагом использует те огромные возможности развития сил производства материальной жизни, которые заложены в безудержном самовозрастании капитала, в том числе:

- безостановочно развивает технологии, создает новые материалы и организационные механизмы, предлагает рынку все новые и новые продукты;
- совершенствует рабочую силу, насыщая ее все более развитыми способностями, делая труд многих людей по-настоящему сложным;
- создает новые рынки, которые в своей взаимосвязи складываются в общемировой рынок;
- производит новые формы капитала, комбинируя их в целях получения максимального эффекта самовозрастания стоимости. При этом размер капитала имеет значение. Максимальный эффект на рынке продуктов массового потребления или на рынке энергоресурсов извлекают, как правило, крупные производители, а успех в создании и распространении новых технологий и компетенций приходит, как правило, к относительно небольшим компаниям.

Граница всякого явления – в нем самом. Это справедливо и в отношении самовозрастания стоимости как ядерного процесса эпохи вещной зависимости. Оно возможно, пока капитал и наемный труд противостоят друг другу. Две сотни лет тому назад в Англии луддиты пытались ломать технологическое оборудование, применявшееся капиталистами, полагая, что тем самым они уничтожают ненавистный им капитал. Но таким варварским способом они не смогли хоть сколько-нибудь продвинуться в преодолении противостояния между наемным трудом и капиталом. Все оказалось намного сложнее, чем виделось тогда, и не одним только луддитам.

Эпоха вещной зависимости уступит свое место следующей исторической эпохе только тогда, когда все возможности ее развития будут исчерпаны. Но, достигнув своей зрелости, она начала создавать внутри себя материальные предпосылки будущей эпохи союза свободных людей, которые выходят за ее рамки, не соответствуют ей. Исходя из этого несоответствия, можно выделить ряд предпосылок будущей эпохи:

- развиваемая капиталом коллективная организация наемного труда, прокладывающая дорогу к союзу свободных людей;
- интенсивное развитие рабочей силы, обеспечивающее рост квалификации, приобщение к культуре, защиту здоровья рабочих и др.;
- обобществление процесса управления производством, передача функций управления от обладателей капитала к наемным менеджерам;
- многостороннее государственное регулирование развития производства, создание институциональной среды движения капитала, учитывающей баланс интересов основных слоев общества;
- развитие «народных предприятий», часть капитала которых выкупается занятыми на них рабочими, причем с поддержкой государства и участием тех, кто изначально обладал контролем над предприятиями (знаменитая модель «народного капитализма» Луиса Келсо);
- переход части капитала под контроль государства, то есть, национализация предприятий, необходимых обществу, но в изменившихся условиях уже не способных эффективно действовать под частным контролем.

В эпоху личной зависимости три ее фазы сменяли друг друга. В эпоху вещной зависимости наличие в ней ряда фаз впервые обозначилось на рубеже XIX – XX веков, когда время свободной конкуренции сменилось временем господства монополий. Подчинив себе наемный труд, освоив все сферы и отрасли производства, подведя под свое развитие необходимый ему базис крупного машинного производства, капитал обеспечил переход к новому технологи-

ческому укладу, то есть, сдвиг в силах производства материальной жизни. Ключевыми элементами их стали огромные предприятия по добыче и переработке энергетических ресурсов, литью и обработке металлов, машиностроению и др. Капитал качественно изменился, придя в соответствие с обеспеченным им самим выходом сил производства материальной жизни на новый уровень их развития. Вот основные признаки такого изменения:

- во-первых, благодаря концентрации, капитал перешел порог меры и стал монопольно доминировать на рынке, всеми способами ограничивая конкуренцию и обеспечивая себе прибыль выше среднего уровня;

- во-вторых, индустриальный капитал переплелся с банковским капиталом, стал финансовой силой крупных корпораций, создав специальные механизмы, обеспечивающие скрытый характер, эффективность и гибкость корпоративного контроля над производством;

- в-третьих, крупные корпорации централизовали связи между участниками производства, обретя огромную власть, для упорядочивания которой потребовалось государственное регулирование материальной жизни;

- в-четвертых, финансовый капитал преодолел национальные границы и стал международным капиталом с национальными корнями, приведя к фактическому разделу мирового хозяйства между союзами крупных корпораций. Разумеется, такой раздел никогда не может быть окончательным;

- в-пятых, финансовый капитал, преодолевший национальные границы, создал свое политическое *alter ego*, “другое я», которым стали мировые державы, вступившие в нескончаемый процесс раздела мира на зоны влияния.

В итоге такого преобразования капитал превратился в огромную общественную силу, контроль над которой оставался в руках узких групп частных лиц. Но и общество стало совершенно иным. Доступ к ресурсам образования, науки и культуры обеспечил возросшие активность и притязания ряда социальных групп. Стремление к наживе превратилось в оболочку, тесную и обременительную для реализации многих приоритетных целей развития общества. Из многих «окон» «здания» фазы господства монополий эпохи вещной зависимости «выглядывали» отдельные элементы будущей эпохи союза свободных людей. Чтобы такие элементы слились в целостность новой эпохи, требуется качественный скачок, революционный переворот в обществе. В свою очередь, успех такого переворота определяется зрелостью материальных предпосылок новой эпохи, подготовленных в недрах предшественницы. Созрели ли такие предпосылки в фазе господства монополий? И если нет, то надо знать, через какие фазы еще предстоит пройти эпохе вещной зависимости перед тем, как она уступит место эпохе союза свободных людей? Мы вернемся к этим вопросам в дальнейшем.

Попытаемся собрать воедино знания о новой эпохе, которыми обладает современное общество. К сожалению, их совсем немного, причем в большинстве своем они относятся к ряду прогнозов и предвидений. Другими словами, это то, что еще предстоит проверить практикой новой эпохи. И надо учитывать, что для многих ожидаемых явлений и процессов этой эпохи в современном научном языке попросту нет терминов, что препятствует их описанию, анализу и встраиванию в систему знания.

И все же, исходя из характера современных преобразований, можно предположить, что для эпохи союза свободных людей будут характерны:

- существование объектов и процессов на грани исчезновения;

- комбинирование катастрофических изменений в общественно-хозяйственной жизни и ее быстрого и непредсказуемого упорядочивания;

- чередование прорывных периодов и периодов движения по инерции.

Пружина истории в будущую эпоху, вероятно, будет сжата до предела и готова снести все, что не годится для союза свободных людей. Вслед за этим придет черед строительства новой системы общества и ее упорядочивания. При таком характере процессов новой эпохи многие ее

решения будут казаться иррациональными, не соответствующими канонам и здравому смыслу. Но на то она и новая эпоха, чтобы утверждать свои каноны и свой здравый смысл.

Эпоха союза свободных людей призвана создать качественно новую форму человеческой общности. На смену примитивной общности эпохи личной зависимости и коллективности эпохи вещной зависимости, подчиненной капиталу, придет ассоциация, которая будет сформирована свободными от личной и вещной зависимости людьми в их интересах. А это значит, что ее отношения впервые в истории могут сложиться не на основе господства человека над человеком или господства вещей над людьми.

Само наличие переходного периода между эпохой вещной зависимости и эпохой союза свободных людей создает абстрактную возможность прорыва в новую эпоху в условиях, когда ее предпосылки еще продолжают складываться в недрах прежней эпохи и «критическая масса» их, необходимая для формирования их в целостность новой жизни, еще не накоплена. Такой прорыв, совершенный в одной или нескольких странах, не способен привести к окончательному утверждению новой эпохи в мире, но он может дать бесценный первый опыт воплощения ее идей.

Эпоха союза свободных людей призвана осуществить переворот в силах производства материальной жизни, радикально изменить основу этого процесса и, прежде всего, преобразовать технологии и способности людей. Вот ключевые производственные процессы, определявшие строй этого производства в прежние эпохи: в первой фазе эпохи личной зависимости – обработка меди и бронзы; во второй фазе этой эпохи – обработка железа; в эпоху вещной зависимости – создание и обработка новых материалов на основе широкого использования возможностей науки.

Из того, что мы уже знаем об эпохе союза свободных людей, можно предположить, что ее ключевыми процессами станут: обработка самой «тонкой» формы материи – формы данных о состоянии мира – на основе информационно-коммуникационных технологий; сетевое преобразование системы общества. Технологические прорывы последних десятилетий и связанные с ними изменения в экономике и обществе позволяют предположить, что в эпоху союза свободных людей переворот в силах производства материальной жизни изменит роль человека в таком производстве. На смену исполнителю будет призван творец, органически включенный в коллективные отношения.

Чтобы быть творцом и преобразователем, необходимо разносторонне развивать в себе все то, что дала тебе природа. Вероятно, одним из условий гармоничного развития личности людей в новую эпоху станет высокая гибкость ее социальных механизмов. Это можно предположить, прослеживая быструю сетевую реорганизацию современного общества. Такая гибкость социальных механизмов позволит максимально развить и использовать в интересах союза свободных людей огромные творческие возможности, которыми изначально наделены практически все люди. Не будучи распознанными и оставшись без необходимой поддержки, эти возможности зачастую угасают уже к началу обучения в школе. И тогда вместо ярких создателей общество получает бесцветных «членов», приведенных к общему знаменателю.

Россия: народ и система общества

Итак, теперь мы представляем себе, куда была направлен прорыв. Но что за страна такая – Россия, дерзнувшая совершить его, опережая время?

Любая страна – это сложная система общества, в которой все элементы взаимосвязаны и любое изменение тянет за собой множество других. Действуя произвольно, из нее ничего нельзя убрать и к ней ничего невозможно добавить. Она опирается на собственные ресурсы, а все то, в чем она нуждается, создает сама из этих земных ресурсов. При всем том, что она встроена в общий мировой порядок, она особенная. Ее движение самобытно, ее история оригинальна, ее нельзя направить по чьему-то чужому пути развития.

Представим историю России как движение в системе координат, в которой учитываются пространство и время. При этом пространственные особенности страны (протяженность, распределение ресурсов по отдельным территориям, рельеф и др.) тесно связаны с временными характеристиками ее исторических процессов (продолжительностью, скоростью, непрерывностью или прерывистым характером и др.). Напрашивается вопрос – чем определяется движение России в такой системе координат? Прежде всего, обстоятельствами, при которых она возникла на Земле:

- во-первых, конкретным местом и временем своего появления;
- во-вторых, той комбинацией исторических условий, которая сложилась в этих координатах пространства и времени.

Каждая страна обладает какими-то возможностями. Однако их надо еще постараться воплотить во что-то дельное. А для этого требуется, чтобы система общества была наделена достаточным субъектным потенциалом, чтобы ее народ был способен созидать, а также заинтересован в этом.

Россия как страна представлена своим народом, живущим в конкретном месте пространства, природные особенности которого неповторимы и задают характер этого народа. Его созидательный потенциал обеспечивает все, чего достигает страна. Если народ обладает достаточными возможностями, она может добиться успеха. Но далеко не всегда добивается потому, что народ, в свою очередь, действует в рамках системы общества. Такая система:

- опирается на запасы природных ресурсов, которые есть в стране;
- имеет свои интересы, потребности и возможности;
- обладает технологиями, инфраструктурой, формой государственного устройства, культурой, наукой;
- формирует оригинальную траекторию движения в общем потоке мирового развития.

Система общества придает силам народа конкретную форму, которая умножает или уменьшает их, ориентируя людей на достижение их общих целей и обеспечивая их материальными и духовными ресурсами. Она органична, если соответствует народу и дает выход его созидательным силам. Если же она отчуждена от народа и препятствует реализации его сил, то становится жесткой, инерционной и старается отгородиться от изменений. Это вполне устраивает ее конкурентов, но отнюдь не соответствует интересам ее народа. Такая система неизбежно входит в кризис, для преодоления которого требуются глубокие преобразования и огромные затраты энергии людей.

Пока система общества не изжила себя, она эффективно взаимодействует со своим народом в проведении назревших изменений. При этом силы народа воплощаются в новых средствах производства, формах государственного устройства, курсах политики, потребностях, нормах его системы общества. В свою очередь, новые характеристики системы общества вызывают к жизни приращение сил народа. Такое взаимодействие сил народа и возможностей системы общества обеспечивает успехи страны в мировой конкуренции. Но если система общества переоценила силы народа и ввергла страну в изменения, которые обречены на провал, то страна может оказаться на дальней периферии мирового развития или вовсе сойти с исторической дистанции, потеряв себя. Тогда она становится грудой мертвых артефактов, в которой копаются археологи. И такое в истории случалось не раз.

Для оценки сил народа используем ключевое положение теории этносов Льва Гумилева: каждый народ представляет собой закрытую живую систему, получающую при своем возникновении импульс *организующей энергии*, направляющий жизненные силы ее участников. Такой импульс ориентирован на важнейшие исторические задачи народа, начиная с его самоутверждения, продолжая взаимодействием с другими народами и завершая созданием своей зрелой культуры. Закрытый характер народной системы означает, что импульс организующей энергии

не возобновляется – израсходовав его, народ как этническая общность завершает свой жизненный цикл, уступая свое место в истории другим общностям. Так было со многими народами.

Если исходить из того, что продолжительность жизненного цикла одного народа составляет примерно 1200-1500 лет, то приходится признать, что за тысячелетия истории в одном и том же месте земного пространства сменились многие народы. Например, современное население Италии и люди, жившие на ее территории во времена Римской империи, существенно отличаются между собой по типу поведения. Это *разные* народы.

Исходный импульс организующей энергии неравномерно распределяется между участниками закрытой народной системы. Тех, кому досталось больше такой энергии, характеризует особое поведение, продиктованное страстью. Они становятся пассионариями, проявления их жизненных сил выходят за пределы общественной нормы. Они готовы к тому, что для обычных, средних людей немыслимо. Именно пассионарии создают империи, открывают новые земли, с риском для себя проводят исследования, совершают революции. Для достижения высоких целей им приходится жертвовать временем, имуществом, собственной жизнью, а зачастую и жизнью окружающих. Организующая энергия, которой наделены такие люди, передается в их роду от поколения к поколению. Но она также возникает (индуцируется) у других людей в процессе их общения с пассионариями. Талантливый ученый делает учеников приверженцами своих идей, а яркий трибун организует и ведет за собой тех, кто прежде был дезорганизован и пассивен.

Импульс организующей энергии используется народом для решения тех задач, которые ставятся перед ним историей. Расходуя такую энергию, народ проявляет себя, как общность людей, обладающих устойчивым стереотипом поведения. Этот стереотип задают, прежде всего, естественные особенности среды жизни народа. Россияне, например, тяготеют к освоению долин равнинных рек, монотонный ландшафт которых сказывается на тяге живущих там людей к затяжным, неспешным делам, задает ритм их жизни.

Известно, что люди, принадлежащие к одному народу, узнают друг друга на расстоянии. Они используют какие-то особые сигналы, позволяющие определить, кто перед ними – свой или чужой. Вероятно, что при этом они ориентируются на общую для данного народа частоту колебаний, излучаемых биополем его участников. Но тогда совместимость различных народов определяется близостью частотных диапазонов излучений их биополей.

Современный российский народ начал складываться в первой половине XIII века, после завершения жизненного цикла древнерусского народа, к которому принадлежали легендарный Рюрик и реальные князья Владимир и Ярослав. То, что осталось от древнерусского народа и его соседей после монгольского нашествия, вошло в состав новой русской народной общности. Со временем она притянула к себе другие народы, срослась с ними и стала многоликой народной общностью. Так возник российский суперэтнос.

В первой фазе своего жизненного цикла – фазе подъема – россияне решали задачи самоутверждения. Она объединила тех, кто жил на землях Древней Руси и соседних землях, обладал совместимыми типами поведения и не попал в поле формирования иных народов. Энергия фазы подъема направлялась на собирание людей и земель вокруг Московского княжества. Содержанием ее стало сращивание москвичей, новгородцев, мордвы и других народов в синтетическую народную общность. Обязательным условием успеха этого процесса была этническая совместимость. У народов, вошедших в российский суперэтнос, постепенно сложилось единое мироощущение.

В следующей фазе жизненного цикла российского народа – фазе расцвета, на пике организующей энергии – Москва, утвердившись как центр власти, притянула к себе множество пассионариев с окраин. Вместе с тем, усложнился состав российского суперэтноса, обозначились его особые части. К началу XVII века он стал одним из крупнейших в тогдашнем мире и обладал возможностями комбинирования созидательных сил народов, вошедших в него. Фаза

расцвета дала множество ярких деятелей в военном деле, управлении государством, народном хозяйстве. Среди них и пришельцы из иных народов, сумевшие освоить стереотип поведения россиян. Для этой фазы характерен энергетический «перегрев», выражающийся в том, что народ разделяется на группы и каждая из них борется за свои позиции. Надо дать выход избытку энергии, что в истории российского народа обеспечивалось освоением новых земель и защитой границ.

Следующая фаза жизненного цикла народа – надлом. В ней происходит болезненный ступенчатый спад организующей энергии, когда снижение ее уровня сменяется ее краткосрочным возрастанием. При таких колебаниях народная общность может развалиться на части, в ней возникают глубокие разрывы и конфликты. В российском суперэтнотипе надлом пришелся на XIX – XX века. В начале его завершилась пространственная экспансия россиян, их жизненное пространство достигло максимума. В середине и конце фазы надлома россияне пережили раскол своего этнического поля, что вызвало к жизни череду болезненных процессов:

- крушение Российской империи и распад ее на несколько государств;
- гражданскую войну, окончившуюся потерей значительной части национальной элиты, представители которой погибли или эмигрировали;
- форсированные социальные преобразования с потерей значимой части населения, размер которой до сих пор точно не установлен;
- участие в двух мировых войнах с потерей около четверти населения;
- распад Советского Союза на совокупность независимых государств.

Вместе с тем, значительная часть энергии в фазе надлома расходовалась на достижения, которые относятся к «золотому фонду» истории народа. Были созданы образцы высокой культуры, получившие мировое признание. Прошло хозяйственное освоение труднодоступных ресурсов природы Сибири, Дальнего Востока, Арктики. Россиянам удалось сформировать уникальную и весьма эффективную систему образования, соответствовавшую их укладу жизни, а также впервые в мире прорваться в космическое пространство.

Фаза надлома завершилась в конце XX века. Рубежным здесь стал распад Советского Союза, изменивший состав народной общности. Многие до сих пор воспринимают его как трагедию. В значительной мере он был обусловлен искусственным соединением в огромном пространстве народов, чьи стереотипы поведения не были совместимыми. Их взаимное отталкивание ощущалось всегда, для его компенсации применялись силы идеологического воздействия и административного принуждения. Истощение этих сил привело к разъединению народов, не стремившихся к тому, чтобы стать придуманной кем-то «новой общностью – советским народом».

За фазой надлома следует фаза инерции, в которой народ избавляется от резких колебаний уровня энергии и сосредотачивается на задачах своего культурного развития. Это «золотая осень» в его жизненном цикле, когда на смену всплескам организующей энергии приходят дела гармоничных людей. В этой фазе народ успокаивается, риски его вовлечения в конфликты снижаются. Этническая система понемногу «остывает». Оставшийся у нее потенциал организующей энергии расходуется на технологические новшества, развитие образования, совершенствование управления, развитие культуры. При спаде энергии люди стремятся избегать лишних рисков и направляют свои силы на достижение успеха в обычных делах, не претендуя на подвиги. Фаза инерции усиливает эту тенденцию, направляя энергию людей на осуществление технологических прорывов, создание новых художественных форм и др. Территориальные конфликты с соседями плохо совместимы с ней. Остается надеяться, что впереди у россиян – время «золотой осени», спокойной, плодотворной и вовсе не располагающей к борьбе за земли, ресурсы и т.п.

А как устроена система общества, в которой живут и действуют россияне? О том, что она резко отличается от систем общества Центральной и Западной Европы, свидетельствует ее

история, в которой место Вольтера и Монтескье заняли люди, «ходившие в народ», крепостное рабство было отменено только за полвека до начала первой мировой войны, а неграмотность преодолена лишь в первой трети XX века.

Географическая позиция России в «медвежьем углу» Европы и на бескрайних просторах Азии, конечно, влияет на своеобразие системы общества и особенность исторического пути страны. Но дело не только и не столько в географии. Система общества Древней Руси в X – XII веках воспринималась соседями как вполне европейская. Об этом свидетельствуют многочисленные браки между представителями правящих домов. Но спустя три столетия система общества Московского государства воспринималась европейцами как полностью чуждая им. С чем связан такой разрыв? Прежде всего, с тем, что системы общества Московского государства и стран, лежавших к западу от него, его опирались на разные отношения, которые задавали способ существования и путь страны.

Для Московского государства уже со времени монгольского нашествия опорным отношением стала власть-собственность, и это определило своеобразие его движения на века, вплоть до нашего времени. Власть, которая притянула к себе собственность и полностью господствует над ней – вот сжатая характеристика того, как устроена российская система общества. Системы общества стран Запада устроены иначе – в них власть и собственность сбалансированы и разделили между собой ключевые общественные задачи и средства их решения. Те, у кого собственность, обеспечивают создание благ, извлекают доходы, развивают общественное хозяйство, те, у кого власть – собирают налоги, обеспечивают порядок и насыщение общих потребностей.

Собственность, находящаяся под полным контролем власти, слаба и пассивна, тянется к власти и стремится быть поближе к ней. В таких условиях любой человек может владеть, распоряжаться и использовать то, что ему доверила власть, лишь до тех пор, пока он пользуется ее властью или встроен в нее. Сама возможность обладать чем-либо здесь производна от позиции и авторитета, которыми человек располагает во власти. Потеряв их, он лишается всего, чем обладал.

Отношение власти-собственности возникло давно и на протяжении истории демонстрирует поразительную устойчивость к преобразованиям, сохраняя свои основные черты. В своей элементарной форме власть-собственность появилась там, где поливное земледелие составляло основу хозяйства, а запасы воды контролировались государством. Но эта форма не характерна для России. В ней власть-собственность возникла как принадлежность «военного общества». Именно так можно определить общество, в котором жесткость жизни людей в условиях постоянных набегов обеспечила полное господство военной функции власти над остальными ее функциями. Власть в России изначально воспринималась и до сих пор воспринимается народом как защитница жизни. Люди исходили из реалий:

- без сильной власти они наверняка погибнут в столкновениях с внешними врагами;
- с сильной властью, они, возможно, останутся живы, ну, а достаток – дело наживное, поэтому не стоит жалеть силы и деньги, требующиеся власти.

Во все времена в системе общества, созданной московскими князьями, военное дело было на первой позиции. Конечно, господствующая функция власти претерпела существенные изменения в ходе российской истории. В период с XIII до XV веков она сводилась к обороне от внешних врагов. Начиная с конца XV века, к ее задачам добавились присоединение новых территорий и контроль над их ресурсами. Благодаря этому, Россия уже к середине XVII века овладела огромными территориями, став крупнейшей страной мира. Вместе с тем, бытие военным обществом означало для нее регулярное обременение высокими расходами. Это обусловило характер российского хозяйства. Полученные в нем доходы первым делом обеспечивали потребности власти, начиная с ее главенствующей функции, и только потом направлялись на хозяйственные и иные цели. Телега политики здесь испокон веков стояла впереди лошади хозяйства, и это многое объясняет в российской истории.

Благополучие человека в системе «военного общества», опирающейся на власть-собственность, определяется тем, на какой уровень вертикали государственной власти ему удалось взобраться или наладить с ним прочные связи. Богатство здесь обеспечивалось и обеспечивается не столько трудом и частной инициативой, сколько принадлежностью к власти и умением служить ей. Грубая сила и лесть в России испокон веков стояли и до сих пор пытаются стоять выше интеллекта и культуры.

В российской системе общества собственность выполняет служебную функцию по отношению к власти, обеспечивая ее доходами, а также принимая на себя все последствия «провалов власти». Она – лишь средство достижения целей власти, поэтому ее активность снижена, а иногда и полностью сведена к нулю. Все инициативы, исходящие от собственников, должны быть одобрены представителями власти. В противном случае они оцениваются как покушения на авторитет. Поэтому успехи россиян в обновлении своей материальной жизни были и остаются весьма скромными. Пока власть соизволит одобрить новшество, конкуренты успевают уйти далеко вперед.

Описываемую ситуацию прекрасно дополняет формула Пьера – Жозефа Прудона: «Собственность есть кража». Там, где система общества опирается на власть-собственность, человек, чтобы утвердиться в качестве сколько-нибудь самостоятельного участника материальной жизни, вынужден идти на обман представителей власти, присваивая ценности без их одобрения и создавая нелегальное «свое». Регулярное и масштабное воровство есть необходимое «второе я» власти-собственности в российской системе общества.

В условиях господства власти над собственностью известный «пучок присвоения» расщепляется особым образом, в соответствии с субординацией по вертикали. Вот как это происходило на протяжении многих веков истории страны применительно к земле – главному активу российского хозяйства:

- *пользование* землей осуществлялось крестьянскими общинами, которые распределяли ее между своими участниками;

- *владение* землей обеспечивали ставленники правителя, которым это предоставлялось за верную службу;

- *распоряжение* землей осуществлялось только самим правителем, решения которого было достаточно для передачи земли. Если какой-то ставленник не справлялся со своими обязанностями в отношении правителя, земля передавалась другому вместе с уроком, как надо служить.

Одно из важнейших следствий опоры системы общества на отношение власти-собственности – постоянная перегрузка вертикали власти. Ей приходится брать на себя задачи, которые в западных системах общества решают собственники: распределение ресурсов и доходов; обеспечение частных потребностей; страхование; разработка проектов развития производства и обеспечение их средствами и др. Россияне всегда обращались и до сих пор обращаются к власти по всем вопросам своей жизни.

Россия вот уже многие десятилетия не подвергается нападению извне, но она существует за счет добычи и продажи своих природных ресурсов, которые надо защищать от происков внешних врагов – как реальных, так и мифических. К тому же, историческая память о власти-защитнице прочно закреплена в традициях, способах мышления, культуре, формах поведения россиян. Это сдерживает многие перемены в системе общества. При подготовке властных решений сказываются сильная зависимость от прежнего опыта, а также инерция мышления и поведения страны-добытчицы природных ресурсов. Отсюда – хроническое запаздывание даже «косметических» изменений, которые не затрагивают основ системы общества. В свою очередь, такое запаздывание создает условия для накопления низового потенциала протеста против сохранения изживших себя порядков.

Дважды на протяжении последнего столетия российская система общества, качнувшись в направлении изменений по западному образцу, затем возвращалась на свое опорное отношение. В 1917 г. для такого возвращения потребовалось всего несколько месяцев, потому что в ситуации катастрофы, вызванной мировой войной, требовались незамедлительные решения. На рубеже XX – XXI веков, в ситуации мирного встраивания России в глобальное сообщество, оно растянулось на несколько лет. В обоих случаях система общества воссоздала свою опору, преодолев силы, которые были направлены на ее замену. Это означало, что отношения вещной зависимости складывались и развивались в этой системе как надстройка над мощным и крайне медленно изменявшимся базисом отношений личной зависимости. Характерно, что попытки использования западных рекомендаций для успешного продвижения России по капиталистическому пути развития регулярно завершались полным конфузом. Да и назвать результаты такого движения системой буржуазных отношений можно лишь с большой натяжкой.

Каждый раз возвращение системы общества на прежнее опорное отношение означало, что неустойчивый баланс неустановившейся власти и независимой от нее собственности со временем уступал место власти, которая сама по себе есть собственность. Почему так происходило? У системы общества всегда есть выбор, представленный коридором возможностей. Если изменение ожидалось, но так и не произошло, для него не было достаточных предпосылок и условий.

Приведем необходимые пояснения и аргументы в пользу такого вывода. Разумеется, речь идет о России. Прежде всего, российская система общества никогда не принадлежала к первому эшелону мирового развития. Это обстоятельство создавало напряжение между реальным состоянием дел и амбициями, вынуждая мобилизовать все силы для того, чтобы догнать лидеров.

При переходе к эпохе вещной зависимости капитал в России не столько органично вырос из «снизу», сколько насаждался государством «сверху». Власть предоставляла крупные государственные заказы, обеспечивала монопольные условия, создавала казенные заводы и сама обрастала капиталом. При этом приходилось раз за разом заимствовать у тех, кто опережал, знания, формы организации, технологии, нормы, то есть, копировать чужой опыт. Такой способ развития называется догоняющим. Однако догнать лидеров никак не получалось, и на то были причины. Главная из них в том, что страна, которая копирует, постоянно находится позади и вынуждена тратить много сил и времени на встраивание заимствованных элементов в свою систему. А эта система стремится отторгнуть их и вернуться в прежнее состояние.

Ситуация усугублялась тем, что государство, направлявшее догоняющее развитие и отвечавшее за его результаты, было сосредоточено на военной функции. В таких условиях все иные дела и преобразования отодвигались на второй план. Жизнь по принципу «нам бы только день простоять, да ночь продержаться» не позволяла робким попыткам перемен в системе общества стать органичными и упрочиться.

В начале XVIII века, провалив первый этап войны со Швецией, Петр I резко и болезненно для страны инициировал резкие перемены в ее жизни. Он заимствовал и силой внедрял в России формы организации общественной жизни, применяемые европейскими странами. Однако многие из таких перемен были поверхностными, поэтому их результаты не приживались. Спустя два десятилетия заимствования замедлились, поскольку в них уже не было острой необходимости – война завершилась победой России. Так появился образец, на основе которого постепенно сложился цикл догоняющего развития, включавший в себя фазу резкого ускорения и фазу резкого замедления копирующих изменений. Он многократно повторялся в истории России, что обеспечило неустойчивость и низкую эффективность ее догоняющего развития. Сначала резкий рывок с места «в карьер», затем столь же резкое торможение и остановка процесса. Вполне соответствовали такому циклу и либеральные реформы 60-х – 70-х гг. XIX века, начатые Александром II, и либеральные рыночные преобразования конца XX века. Этому спо-

собствовало то, что российская система общества осталась фактически закрепощенной и после формальной отмены крепостного права.

Словосочетание «страна рабов» очень точно характеризует ситуацию в России на протяжении большей части ее истории. Даже господствующий слой общества до конца XVIII века оставался под жестким государевым контролем и угрозой унижений, будучи обязан служить там, где определил государь. Освобождение крестьян в России растянулось на многие десятилетия. Личную свободу им декларировали в 1861 г., но подкрепляющие ее права собственности на землю им пришлось выкупать на протяжении многих десятилетий, причем под контролем государства и в рамках общины.

Только после 1905 г. крестьяне получили возможность выхода из общины и свободной продажи выделенной земли. Показательно, что до революции этой возможностью воспользовались лишь четверть крестьянских хозяйств. А после февральской революции процесс пошел вспять – в условиях фактического безвластия и высокой неопределенности в хозяйстве община в ряде губерний была восстановлена самими крестьянами. Это свидетельствовало об огромной инерции системы общества страны, мечтавшей о том, чтобы догнать мировых лидеров.

Оценить эффективность догоняющего развития можно по соотношению совокупного продукта на душу населения в России и странах-лидерах мировой экономики. По этому показателю отставание России от США, Франции, Великобритании, Германии в период от окончания войны 1853-1855 гг. и до начала первой мировой войны лишь усилилось, несмотря на все потуги догнать их. Это сказалось на ослаблении функциональных возможностей российского государства и, прежде всего, его главной функции.

В Северной войне (1700-1721 гг.) российская армия не сразу, но смогла взять верх над шведской армией, считавшейся в то время одной из лучших в Европе. Спустя столетие наполеоновские войны (1805-1815 гг.) показали, что российская армия по-прежнему сильна, хотя в их начальный период она столкнулась с огромными потерями и чувствительными поражениями. Спустя сорок лет поражение в Крымской войне обозначило существенное отставание российской армии от армий стран Западной Европы. В начале XX века Россия потерпела унижительное фиаско в войне с Японией, чья армия и экономический потенциал изначально оценивались значительно ниже. Наконец, первая мировая война продемонстрировала неготовность российской промышленности к обеспечению армии современным оружием и боеприпасами, а также слабость самой армии, формируемой из малограмотных крестьян.

Интересно проследить, какой видела себя и какие цели выдвигала российская система общества, пытавшаяся догнать мировых лидеров. В период становления Московского царства под влиянием византийского культурного наследия сформировалось представление об исторической миссии России, выраженное формулой: Москва есть третий Рим, а четвертому Риму не бывать. Это представление пытались воплотить в жизнь и Московское царство, и Российская империя. С ним связаны затяжная территориальная экспансия, мечты о захвате Константинополя, стремление русских царей быть охранителями порядка в Европе. Страна, отстававшая в своем материальном развитии, видела себя великой державой, спасающей человечество. Это обстоятельство предопределило острые коллизии российского сознания:

- выраженная любовь к свободе и готовность заплатить за нее самую высокую цену, вплоть до того, чтобы отдать за нее жизнь, в сочетании с огромной терпимостью к порабощению и ужасающим условиям материальной жизни, характерным для большинства россиян;
- стихийность поведения и непредсказуемость реакции на события в сочетании с жесткостью общественного порядка;
- идеализм и вера в чудо в сочетании с приземленным прагматизмом поведения людей в обычной жизни;
- тяга к масштабным проектам, поневоле выходящим далеко за пределы страны, в сочетании со стремлением не покидать привычного места.

Для российской системы общества совершенно не характерны кропотливое накопление капитала и постепенное совершенствование жизни. Зато в ней легко возникают и запускаются проекты быстрого обогащения, скорейшего решения всех сложных проблем, чудесного спасения, как своей страны, так и всего остального мира. Несбыточные мечты о будущем здесь удивительным образом сосуществуют с патриархальностью реальной жизни.

Для рядовых участников этой системы характерно противоречивое отношение к власти. С одной стороны, они постоянно возлагают огромные надежды на первое лицо в государстве, якобы способное решить все их проблемы. С другой стороны, они постоянно страдают от громоздкой и мало продуктивной вертикали власти, обременяющей их жизнь чрезмерными издержками и откладывающей решение их проблем в «долгий ящик». Со стороны могло показаться, а многим и на деле казалось, что страну, столь плохо управляемую, легко захватить, чтобы распорядиться ее огромной территорией и богатейшими ресурсами. Но за этой видимостью скрывалась совершенно иная суть страны. Она обескураживала тех, кто нападал.

Изначальная реакция России на столкновение с внешними врагами – сжатие некоторой скрытой внутренней пружины, временное отступление вглубь собственного дома. Страна уходит в себя в поисках внутренних ресурсов, необходимых для достойного ответа врагу. Несколько раз в своей истории она проявляла такую реакцию. Уступая захватчику немалую часть своего пространства, она скрытно накапливала внутренние ресурсы для отпора. Затем следовал мощный ответный удар, которого не ожидали ни захватчик, ни сторонние наблюдатели.

В 1917 году, в условиях мировой войны, уступив противникам огромные территории, подорвав свое хозяйство и оказавшись перед лицом катастрофы, Россия затем совершила то, чего не ожидал уже весь мир. Сначала она избавилась от царской власти, а затем попыталась шагнуть далеко вперед, в новую эпоху. Страна рабов, где материальных предпосылок этой эпохи было гораздо меньше, чем в передовых странах мира, первой прорвалась за пределы эпохи вещной зависимости и приступила к созданию принципиально новой системы общества. Что же обусловило этот шаг?

Что обусловило прорыв

Спустя несколько лет после окончания первой мировой войны, когда Россия уже строила новую систему общества, один из ее «доброжелателей» высказал суждение, ставшее впоследствии широко известным: дескать, жаль, что страна немного «не дотерпела» до общей победы в войне, а то все с ней случилось бы иначе. Но история не знает сослагательного наклонения, выбирая тот путь, который был более подготовлен и оставляя без внимания иные.

Факты того времени свидетельствуют о том, что в кризисных условиях мировой войны Российская империя оказалась самым слабым звеном в цепи мирового капитала, в котором эту цепь можно было разорвать. Уже через год после вступления в войну ей были потеряны огромные территории, затяжное военное противостояние привело ее к перенапряжению сил и разрыву жизненно необходимых связей. На третьем году войны она оказалась в тисках неразрешимых проблем. С одной стороны, мобилизация в условиях огромных потерь на фронтах опустошала крестьянские хозяйства, шаг за шагом снижая их производственные возможности, что обусловило нарастающий дефицит продовольствия. С другой стороны, милитаризация промышленности подрывала товарный обмен между городом и деревней, потому дефицит продовольствия наиболее остро ощущался в городе, а деревня столь же остро нуждалась в сельскохозяйственной технике, удобрениях и транспорте.

Введение обязательных поставок продовольствия лишь усугубило проблему. Крестьянские хозяйства стали саботировать поставки зерна и создавать его тайные запасы, что во многом предрешило крушение царизма. Казалось бы, началось буржуазное преобразование российской системы общества. Вертикаль власти обрушилась, «страна рабов» обрела свободу и шанс пойти по хорошо известному капиталистическому пути развития. Но этим шансом,

совершенно превосходным в представлении многих людей, она почему-то не воспользовалась. Этот парадокс до сих пор ставит в тупик многих, кто пытается осмыслить российскую историю. Но он вполне объясним.

На какое-то время ситуация в России стала противоположна тому, что существовало веками. Вместо власти, которая сама по себе была собственностью, появилась собственность, которая, осмелев в отсутствие прежнего хозяина, объявила себя властью. Однако очень скоро выяснилось, что собственность лишь возомнила себя властью, поскольку не смогла решить ни одной из множества жизненно важных для страны задач.

Прежде всего, Россия оказалась перед лицом такой катастрофы, что единственным выходом для нее был скорейший выход из мировой войны. Собственность, объявившая себя властью, оказалась отнюдь не на высоте этой задачи. С одной стороны, она попала в плен имперских амбиций и обязательств перед союзниками, а, с другой стороны, изначально была заложницей своих доходных ожиданий от достижения победы в войне. Поэтому ее действия обусловили дальнейшее приближение катастрофы и полную дискредитацию тех, кто попытался «подержаться за власть». Уже через несколько месяцев к власти пришла партия большевиков, сумевшая предложить участникам российского кризиса то решение о выходе из войны, которое было для них жизненно необходимо. За этим решением последовало возвращение системы общества на привычное опорное отношение власти-собственности.

Какие силы вытолкнули к вершине власти в огромной стране партию большевиков, небольшую и мало кому известную до войны? Почему она после переворота не разрушила опорное отношение власти-собственности, хотя изначально декларировала свое полное отречение от старого мира? Ответы на эти вопросы дает история России. Партия большевиков возникла в российской системе общества как идейная и хорошо организованная политическая сила, противостоявшая капиталистическому развитию страны. Она была призвана к власти, поскольку прежняя – имперская – форма власти-собственности изжила себя, не справившись с задачами индустриального преобразования страны и противостояния в мировой войне, а попытка обойтись вообще без власти-собственности оказалась несостоятельной.

Уже через несколько месяцев после буржуазного переворота произошел еще один переворот, произведенный партией большевиков «от имени» промышленного пролетариата, составлявшего несколько процентов самостоятельного населения страны. Добавим к этому, что по уровню своего экономического развития Россия намного уступала странам-лидерам тогдашнего мира: Англии, Германии, Франции, США. Эти обстоятельства противники большевиков использовали, чтобы доказать невозможность их победы в России. Они полагали, что взять власть в кризисной ситуации небольшая революционная партия может, но будет не в состоянии удержать ее и провести реальные преобразования. В стране «догоняющего развития», где отсутствовали многие предпосылки нового строя, прорыв в новую эпоху представлялся им делом безнадежным.

Но факты – упрямая вещь. Большевики удержать власть сумели и на протяжении трех четвертей века пытались развивать общество без частной собственности и капитала, то есть, осуществляли прорыв в новую эпоху, как они его понимали и были способны претворить в жизнь. Согласно господствовавшей тогда теории, никакого прорыва в будущее осенью 1917 года в России не могло быть. Но он был.

Если поток новых данных не встраивается в теорию, то дело вовсе не в данных. Пришло время преобразовать теорию, перевести ее на тот уровень, где она будет согласовываться с изменившейся реальностью. Изменения, реально обеспечившие прорыв России в будущее, заключались в следующем.

Прежде всего, на рубеже XIX – XX веков в мире резко усилилась неравномерность, стали углубляться разрывы в уровнях развития между отдельными сферами, территориями и странами. А значит, появились новые возможности, связанные с такими изменениями, а также

соблазн использовать их для прорыва в будущее. Перед первой мировой войной активизировались процессы, которые предвосхищали будущую глобализацию, обострились противоречия, которые нашли свое разрешение в огне войны. Она дала странам-участницам уникальный опыт мобилизации всех имеющихся ресурсов ради достижения победы.

Чтобы использовать такой опыт для рывка в развитии и выхода на новые рубежи, нужен был успешный политический переворот. Почему бы в особых условиях, возникших в ходе мировой войны, не сделать ставку на использование достижений других стран для того, чтобы ценой напряжения всех сил народа превратить свою страну из сегодняшнего аутсайдера в завтрашнего лидера мирового развития? Почему бы, невзирая на слабость собственных позиций в развитии системы общества, не попытаться прорваться в новую эпоху, приближение которой ощущалось многими? Эти ощущения воплотились во многих научных трудах, художественных произведениях, прогнозах футурологов, весьма популярных в начале XX века.

Если условия развития резко изменились, необходимо использовать возникающие возможности и отойти от канонов. Владимир Ленин, оценивая своеобразие российской революции, исходил из того, что полная безвыходность положения, в котором оказалась страна в условиях мировой войны, умножила силы людей, открывая им иную возможность создания основных предпосылок цивилизации, чем в развитых странах. И поставил вопрос по-новому: почему бы российским трудящимся не создать сначала такие предпосылки своей цивилизованности, как избавление от помещиков и капиталистов, чтобы потом без помех двинуться к новому строю? Он мыслил и действовал не канонически, вполне соответствуя в этом приближавшейся эпохе.

Сама жизнь подвела тех, кто взял на себя ответственность за Россию, к выводу, что для решения ключевых проблем ее развития необходима качественно новая форма власти-собственности, воплощающая в себе силу прорывных идей. Приближалась эпоха союза свободных людей, а в ней идеи перемен, объединяющие людей, обретут огромную силу. Идеинные революционеры – это как раз про большевиков. Моментом истины для их партии стал развал фронта летом 1917 г., когда их необычные идеи стали популярны. Идеинный багаж новой партии власти сложился из ряда источников:

- неприятия капитализма народниками, поиска ими особого пути развития России;
- марксизма, переосмысленного применительно к переходу к новой фазе эпохи вещной зависимости, для которой характерны господство монополистического капитала и резкое усиление неравномерности мирового развития;
- оценки российской отсталости как преимущества для осуществления социальной революции, поскольку в этом случае не придется иметь дело с сильной буржуазией. И в этом отношении расчет большевиков на слабость и трусость национальной буржуазии полностью оправдался.

Для представителей российского крупного капитала, попытавшихся взять власть в ходе буржуазной революции, власть-собственность представлялась историческим пережитком, от которого надо избавиться. Большевики оценивали ее совершенно иначе – как силу, с помощью которой можно подавить враждебную буржуазию и обеспечить решение задач индустриального преобразования и преодоления накопленной отсталости страны. Идея прорыва в новую эпоху обеспечивала решение этих задач, именно поэтому она стала главной идеей преобразования России. Для ее подкрепления со временем были привлечены идеи совершенно иного характера:

- средневековое представление о Москве как третьем Риме;
- представление о том, что историческую миссию пролетариата может от «его имени и по его поручению» выполнить хорошо организованная группа профессиональных революционеров.

Большевики были прагматиками и смело заимствовали то, в чем нуждались. Поэтому они смогли по-новому оценить возможности власти, которая сама по себе есть собственность. Не ограничиваясь критикой ее прежней формы, они увидели возможности ее новой формы в созидании общества, к которому стремились. Продвигаясь к этой новой форме, они разрушили до основания всю прежнюю систему общества, не побоявшись избавиться от ряда ценных достижений предшествующего строя. В итоге задачи преобразования страны только усложнились. Однако новых хозяев власти это не испугало. Чем хуже исходные условия, тем лучше будут смотреться самые скромные достижения тех, кто взялся решать труднейшую историческую задачу. Да и огромные издержки преобразований их не интересовали. Они прекрасно понимали, что победителей история не судит.

Пространство России, ее человеческий потенциал, материальные и духовные ресурсы, культура были направлены на задачи прорыва в новую эпоху. Первая проба осуществления ее идей происходила при явном дефиците необходимых для успеха материальных предпосылок. Такая проба неизбежно сопряжена с историческими ошибками и огромными издержками. Один только голод, обусловленный жесткой коллективизацией крестьянских хозяйств, унес несколько миллионов человек, а общее количество жертв первой пробы сил новой эпохи вряд ли удастся сосчитать. Тем не менее, эта проба бесценна для человечества, обретшего опыт формирования новой системы общества и крупницы знания о ней. Осмысление ее результатов, какими бы они ни были, открывает возможности для реализации идей новой эпохи в будущем. Остается надеяться, что в более благоприятных обстоятельствах.

Завершаясь, уходящая историческая эпоха пытается удержаться, продлить свое существование. При этом она пускает в ход привычный арсенал средств. Эпоха вещной зависимости использует для этого инструменты лжи и мистификации, наводя «тень на плетень», искажая информационную материю зарождающейся эпохи, чтобы усложнить и замедлить переход к ней. Это относится и к оценке результатов российского прорыва в новую эпоху. Но и в густом тумане лжи движение истории не останавливается.

В российском опыте построения новой системы общества переплелись рациональное и иррациональное, решительные сдвиги в решении назревших проблем и сильнейшие откаты назад, правда и ложь, высокая жертвенность и низменная нажива. Театр абсурда Эжена Йонеско в художественной форме представил многие коллизии прорыва в новую эпоху в условиях недостаточности материальных предпосылок для утверждения этой эпохи.

Революционный переворот и обусловленные им глубокие преобразования изменили позиции России в мире, хотя и не совсем так, как рассчитывали революционеры. В развитии технологического сектора промышленности старая Россия отставала от мировых лидеров на десятилетия. Благодаря прорыву в новую эпоху она сумела значительно сократить это отставание, но на лидирующие позиции в мире так и не вышла. Прокладывая человечеству дорогу в новую эпоху, Россия в течение нескольких десятилетий являла миру образцы созданных ей новшеств в различных областях жизни. Но трудно сказать, чего было больше во многих таких образцах – притягательного или ужасающего. Поэтому мир разделился на ярых сторонников и решительных противников российского прорыва в будущее. Даже спустя многие годы после его завершения соприкосновение с его опытом не оставляет людей безразличными.

Первый опыт реализации идеи новой эпохи продемонстрировал миру образцы смелого соединения материальных и идеальных ресурсов, создания эффективных комбинаций, приносящих невиданные результаты. Были преодолены прежние границы научного поиска, запущены многочисленные междисциплинарные разработки, побуждавшие к синтезу идей, возникших на разных направлениях исследований. Активизировались процессы переноса технологий, методик, компетенций, институтов из одной среды в другую. Россия при этом проявила свои лучшие качества, поскольку успешно соединила то, что другим казалось несовместимым. Она это умеет. В ее огромном пространстве соединились и переплелись достижения

азиатской и европейской культур, сосуществуют основные мировые религии, мирно ладят и взаимодействуют многие народы. Вероятно, потому она и стала тем местом глобального пространства, где произошел прорыв в будущее.

Для российской системы общества характерно противоречивое сочетание сил и свойств, обусловившее особенности ее прорыва в новую эпоху. В ней медленно и тяжело запрягают, но потом быстро и сломя голову ездят. Сталкиваясь с грубым давлением и издевательствами, ее участники долго терпят, но когда начинает казаться, что такому терпению нет конца и края, они неожиданно взрываются, сокрушая и тех, кто виноват перед ними, и тех, кто просто попал под руку. Предугадать момент такого взрыва невозможно. За несколько недель до крушения царской власти Владимир Ленин, обладавший огромной интуицией, писал из Швейцарии другу, что при жизни этого поколения революции в России, вероятно, не будет. Но она произошла.

В предшествующие эпохи идеи определяли деятельность людей лишь в той мере, в какой они связывали их в религиозные общности или отражали их имущественные интересы. В переходный период к новой эпохе идеи вышли на первый план, начали доминировать в жизни людей. На рубеже XIX и XX веков в России появились люди, совершенно нетипичные для прежней эпохи. Их нельзя было подкупить. Это были идейные революционеры. Спустя десятилетия преобразования, проводившиеся ими, зашли в тупик. Потому, что их идеи исчерпали себя.

Российский прорыв в будущее не смог обеспечить утверждение новой эпохи и привел лишь к ограниченным результатам, которые уходящая эпоха смогла преодолеть, вынуждая участников прорыва прекратить его и отступить с достигнутых ими рубежей. Это и сделала в конце XX века эпоха вещной зависимости. У нее еще были силы, чтобы удержаться. Преодолевая непрочные, промежуточные результаты прорыва, она попыталась вернуть то, что было прежде, а также стереть все, что было сделано для будущего, из жизни и памяти людей. Отчасти ей это удалось. Россия, проложившая для человечества путь в новую эпоху, сошла с него и попыталась создать у себя буржуазное общество, отказавшись от многих результатов преобразований, так дорого доставшихся ей. Каковы результаты этого попятного движения? В какой мере и на какое время страна вернулась к тем началам жизни, от которых она ушла ради воплощения грандиозного плана новой эпохи? Возможны ли еще попытки прорыва в будущее или на этой попытке поставлена точка? Об этом – в последующих главах.

Россия плохо поддается расчетам и прогнозам. Живя в ней, можно много чего ожидать – и ничего не получить, или ничего не ожидать – и получить все, включая даже то, о чем и не мыслилось. Формы организации жизни общества, предложенные и опробованные ей в опыте создания системы общества на основе союза свободных людей, могут быть в дальнейшем востребованы человечеством. Но они также могут быть отринуты в пользу более совершенных форм, которые предложат и опробуют другие страны. Все, что произойдет на деле, покажет реальный процесс развития. Надо лишь набраться терпения и помнить, что прошлое не вернуть, а будущее верно.

Глава 2. Рубежи прорыва

Один из уроков российской истории за последнее столетие состоит в том, что, не обладая материальными предпосылками, необходимыми для утверждения новой эпохи, невозможно рассчитывать на окончательный успех этого дела. Прорыв, не подготовленный в полной мере, обернулся пробой сил новой эпохи, неполноценным воплощением ее идей, ограниченным во времени и пространстве. Сравним его с прорывом линии фронта при отсутствии стратегического перевеса. В месте прорыва возникает плацдарм, который удерживается какое-то время, но использовать его для общей победы прорвавшейся стороне не удастся. В дальнейшем такой плацдарм, как правило, достается противнику. Тем не менее, опыт его захвата и временного удержания важен, поскольку дает возможность апробировать идеи будущей победы и практически приблизиться к ней. Это в полной мере относится к российскому прорыву, рубежи кото-

рого надо знать тем, кто осмысливает настоящее и готовится к будущему. Такими рубежами стали первое утверждение идей новой эпохи, первое отрицание их, а также ускорение перехода к этой эпохе.

Начало прорыва: первое утверждение идей новой эпохи

События, с которых начался прорыв в новую эпоху – это революция, которую осуществили большевики в октябре 1917 года, и глубокие преобразования, связанные с ней. За последние годы понятие революции обросло огромным слоем словесной шелухи. Избавимся от нее и обратимся к смыслу этого понятия, памятуя о том, что все изменяется. Изначально латинское слово *revolutio* означало глубокое изменение состояния чего-либо, переворот в нем, переход его в новое состояние. В настоящее время под революцией понимается резкое, бескомпромиссное, глубокое и доходящее до самых корней качественное изменение, обеспечивающее скачкообразный переход на более высокий уровень развития природного или общественного явления, а также научного процесса. Революция – это разрыв с тем, что ей предшествовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.